

Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика*

А.В. Дьяков, А.М. Соколов

Статья посвящена проблеме становления политического суверенитета в истории современной цивилизации. Авторская гипотеза состоит в том, что существенным моментом становления буржуазного общества явилась когерентность двух процессов: утверждения личностной суверенности и становления государственного суверенитета. Эти два элемента определяют суть западной цивилизационной стратегии, которая реализуется в дух форматах: биополитики и геополитики. Каждый из этих форматов в разной степени актуализирован в эпоху классического и постклассического капитализма. Период формирования капиталистической системы характеризуется геополитической тенденцией. В период глобального доминирования капитализма геополитическая тенденция трансформируется в биополитическую. Авторы отстаивают точку зрения, согласно которой основным механизмом возникновения и геополитической, и биополитической тенденций выступает реактуализация института собственности. Так в период становления капиталистических отношений различные виды корпоративной собственности уступают место частной собственности; кроме того, аграрное использование земли – основного объекта собственности – заменяется промышленным. Посткапиталистическая «переоценка» собственности обнаружила ее новое содержание, связанное с интимным, преимущественно внутренним определением человека: эмоции, ощущения, мысли, притом что общая установка на отчуждение собственности сохранилась. На этом основании авторы делают вывод об умалении ценностного статуса личностной суверенности, что становится непосредственной угрозой политического суверенитета как базового элемента современной цивилизационной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суверенитет, биополитика, власть, государство, государственный суверенитет, капитализм.

ДЬЯКОВ Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

a_diakoff@mail.ru

СОКОЛОВ Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

docentsokolov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2017 г.

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-33-01013 «Философская историография во французской философии второй половины XX века» (А.В. Дьяков), проекта РГНФ 15-03-00553 «Биополитика и альтернативы цивилизационного развития» (А.М. Соколов).

© Дьяков А.В., Соколов А.М., 2018 г.

Цитирование: *Дьяков А.В., Соколов А.М.* Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 25–34.

«Суверенитет» — чрезвычайно важное для осмысления западного цивилизационного пространства понятие. Вместе с тем его определение порождает значительные трудности, а рассмотрение суверенитета предпринимается в самых разных сферах научного знания. Прежде всего, конечно, обращают на себя внимание исследования, проводимые в рамках политических наук, прежде всего работы Б. Кампмарка [Kampmark 2017], М. Эгбала и К. О'Рурка [Eghbal, O'Rourke 2016], Дж. Берджесса [Burgess 2017], и примыкающие к ним исследования экономистов, таких как В. Дютрев и Б. Тере [Dutraive, Th  ret 2017], А. Роман-Алкала [Roman-Alcal   2017], а главное, специалистов по теории права, например Дж. Истмена [Eastman 2017], Д. Хампера [Hamper 2017], Дж. Блэкмена [Blackman 2016] и др. Куда меньше работ, представляющих философскую рефлексию по поводу государственного суверенитета; последние преимущественно посвящены этическим (гуманистическим) проблемам, связанным с отправлением государственной власти, тогда как вопрос о сущности суверенитета и его понимании в ту или иную эпоху оказывается на периферии внимания философов. В то же время концепт суверенитета является ключевым для философии власти — в нем, как в фокусе, сходятся линии рефлексии, составляющие ядро самоосмысления европейской цивилизации. Во все времена в этой области идет противоборство мнений, взглядов и доктрин, и этот вопрос, как никакой другой, связан с историей своего разрешения, а потому нуждается в собственной историографии.

Схематично реконструируя историю представлений о суверенитете, можно выделить ряд мировоззренческих установок, в рамках которых происходила актуализация данного принципа: космологический фатализм античности, теологический провиденциализм средневековья и, наконец, творческий энтузиазм Ренессанса — эпохи, определившей современное истолкование суверенитета. К XVI в. переосмысление концептов творения, свободы выбора и спасения, задаваемое интуицией творчества, формирует убеждение, что в деле спасения человечеству отведена отнюдь не пассивная роль: без усилий с его стороны не произойдет то преобразование мира, которое венчает историю и в котором осуществляется замысел Творца о человеке. Средневековая забота о душе фактически заменяется заботой о мире, что ведет к осознанию индивидом собственной значимости и его желанию узаконить свой статус как самостоятельного и независимого. Никколо Макиавелли прекрасно описал этот процесс в «Истории Флоренции» и как бы подвел первый итог интеллектуальных интуиций, возникших столетием раньше в хрониках Жана Фруассара, Жана де Венета, Томаса Уолсингема.

В XVII и XVIII вв. европейское общество обретает подлинную динамичность благодаря пробудившейся энергии свободных, самодостаточных граждан. Совершенно естественно, что именно в это время появляются первые теоретические сочинения, касающиеся проблемы суверенитета. И если Ж. Боден дал только формальное описание государственного суверенитета — независимого от папского Престола и верховного по отношению к феодалам, — то Т. Гоббс предложил развернутое обоснование суверенитета как системы самоорганизации людей и утверждения политической структуры. Вряд ли Гоббс помышлял об исторических судьбах третьего сословия, но, по существу, он был первым, кто сформулировал принципы суверенной самодостаточности набирающей силу буржуазии. Постулирование гражданских и политических прав и прежде всего права собственности, осуществленное Дж. Локком определило ценностный горизонт и практические ориентиры нового субъекта мироустроительного процесса. Показателен ход мысли, раскрывающий содержание понятия собственности в представлении английского философа: «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав» [Локк 1988, 277]. Первым делом, стало быть, собственность полагается выражением внутренней самодостаточности. Далее эта внутренняя сущность человека получает определенность в виде деятельности: «...труд его тела и работа

его рук по самому строгому счету принадлежат ему» [Там же]. Наконец, именно труд выступает как «механизм», посредством которого внутренняя человеческая сущность «выходит из себя», распространяясь на элементы окружающей действительности: «Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью» [Там же]. И чуть ниже находим наиболее интересное для нас утверждение: «...главным предметом собственности являются теперь не плоды земли и не звери, которые на ней существуют, а сама земля, которая заключает в себе и несет с собой все остальное [Там же, 279].

Суверенитет буржуазного государства произведен от суверенности граждан, статус которых подтвержден не только набором прав и свобод, но и определенной собственностью. В этом смысле «гражданин» как бы заменяет собой «человека». Другими словами, собственность оказывается существенным свойством человека-гражданина.

Теоретическому переосмыслению понятия «собственность» в XVII–XVIII вв. предшествовала длительная практика реинституционализации собственности, предвосхищающая эпоху капитализма. Хорошо известен обзор этих событий, сделанный К. Марксом в 24-й главе «Капитала». Изгнание крестьян с земли, на владение которой они имели безусловное право; узурпация феодалами общинных земель ради превращения пашни в пастбища для овец; уничтожение монастырей и расхищение церковных земель в ходе Реформации; спекуляция земельными участками и создание крупных хозяйств через разорение мелких фермеров – вот основные пути осуществления, так называемого «первоначального накопления». Прошедшие этими путями и составили костяк новой элиты, сосредоточившей в своих руках основные земельные богатства, гарантировавшие им политическое господство внутри общества. Общепринятое утверждение о том, что колонизация англичанами, голландцами, французами заморских территорий имела решающее значение в развитии капитализма, верно лишь отчасти. Ведь прежде внешней колонизации, прежде систематического захвата внешних территорий была отработана модель «внутренней» аннексии. Причем отношение к собственному населению было не менее циничным, чем к туземцам Америки или Африки. Обратившись к той же 24-й главе «Капитала» можно получить ясное представление о том, как обходились с простым крестьянством, с коренным населением Ирландии и Шотландии, лендлорды, разбогатевшие рантье и сами монархи. В качестве одного из примеров Маркс приводит историю «чисток» герцогини Сазерленд: «С 1814 по 1820 г. ... 15000 жителей – около 3000 семей – систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями... Таким путем эта дама присвоила себе 794000 акров земли» [Маркс 1960, 749].

Частная суверенность самоутверждающихся «предпринимателей» набирала силу синхронно с политическим суверенитетом национальных государств. Параллельно с внутренним захватом земель в то же время осуществлялась практика колонизации внешних территорий с целью присвоения природных богатств и привлечения дешевой рабочей силы, обеспечивающих развитие капиталистического производства. Наиболее показательна судьба Нидерландов, к середине XVII в. ставших самой богатой страной Старого Света, вперые создавшей торгово-финансовую систему в глобальном масштабе. Суверенитет как выражение государственной независимости предполагает не просто освобождение от исторически сложившейся гегемонии метрополии, а достижение полной самостоятельности, что невозможно без обретения автономии экономической. Пример Нидерландов здесь весьма показателен. Могущество голландцев никогда бы не достигло известных высот, если бы они не проводили мощнейшую экономическую экспансию. Их опытом, как известно, с еще большим успехом, воспользовались англичане. Вместе с тем колониальные захваты установили своеобразную «идентификационную демаркацию» западной цивилизации от всего остального мира. Идеиное оправдание практики аннексий находим уже у Локка: «...до сих пор имеются огромные

земельные угодья, которые (их обитатели не присоединились к остальному человечеству и не участвовали в соглашении об использовании их общих денег) лежат невостребованными, и этих земель больше, чем используют или могут использовать живущие на них люди, и, таким образом, эти земли все ещё находятся в общем владении. Хотя подобный случай вряд ли может иметь место среди той части человечества, которая договорилась об употреблении денег» [Локк 1988, 288].

Так называемые «линии дружбы» (Amity Line), сущность которых подробно исследовал К. Шмитт, были первыми геополитическими разграничителями: на этих «линиях» заканчивалась Европа и начинался Новый Свет. Здесь прекращалось действие европейского права, во всяком случае публичного европейского права, заканчивались установленные тогдашним европейским международным правом ограничения на войну и господствовало лишь право сильного, поэтому борьба за захват земли становилась совершенно безудержной [Шмитт 2008, 86]. Объект колонизации конструировался в воображении колонизатора как Другой и, таким образом, отбрасывался «...за границы определяющих основ европейских цивилизованных ценностей настолько далеко, насколько это возможно. <...> В колониальном воображении колонизированный является не просто другим, высланным за пределы цивилизованного мира; скорее он понят или создан как Другой, как абсолютное отрицание, как самая дальняя точка горизонта» [Хардт, Негри 2004, 27].

То же «право сильного» разделило тех, кого некогда причисляли к одному – третьему – сословию, на буржуазию и пролетариат. По сути, пролетарий тоже оказался исторически Другим капиталиста. Ф. Энгельс, исследовавший жизнь английского пролетариата, наиболее развитого в середине XIX в., отмечал: нет ничего удивительного в том, что «...рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам» [Энгельс 1955, 356].

Таким образом, правомерным будет включение в модель формирования буржуазного суверенитета двух предполагающих друг друга компонентов: становления частной суверенности гражданина, актуализирующейся в лице предпринимателя-капиталиста, и становления политического суверенитета как союза суверенных граждан в виде правового буржуазного государства. Принципиальным элементом их обоих является «реактуализация» собственности, заключающаяся в произвольном отчуждении земельных участков у их легитимных владельцев. Такая практика, имевшая в свое время универсальный характер, определила не только хозяйственно-экономическую структуру общества, но и структуру социальную, а в конечном счете, политическую структуру общества как в локальном, так и в глобальном масштабе. В этом смысле формирование буржуазного суверенитета может быть редуцировано к стратегии геополитики.

Геополитическая стратегия не может, однако, ограничиваться простым контролем над территорией, заключающей в себе природные ресурсы. Всякий ресурс становится таковым только благодаря труду, точнее, рабочей силе, его производящей. Последняя же определенным образом связана с той территорией, на которую направлены чьи-либо властные амбиции: кроме, людей, её населяющих, никто больше не в состоянии продуктивно вести на ней хозяйство. Поэтому геополитика должна выстраиваться как цивилизационная стратегия, выражающаяся в стремлении к тотальному контролю над материальными ресурсами, включая рабочую силу.

Включение рабочей силы в разряд материальных ресурсов требует серьезных уточнений. Говоря о геополитике, необходимо иметь в виду не только Марксово различие труда и рабочей силы, но и разработку темы управления населением, предложенную М. Фуко. Ведь именно в практике управления населением французский мыслитель усматривал рождение биополитики как одной из властных стратегий современного общества. В самом деле, Фуко наглядно показал, что примерно в середине XVII в., т.е. в период первой волны капиталистического бума, главным объектом политики становится население страны как производящая сила, обладающая колоссальным

потенциалом в обеспечении налоговых поступлений. Понятно, что «население» для государства фактически совпадает с «рабочей силой» для предпринимателя. На этапе классического капитализма население, или рабочая сила, в конечном счете, рассматривается как один из материальных ресурсов, связанных производственным процессом.

Современный же, постклассический капитализм заключается в том, что человек, наряду с производственной функцией, «обременяется» функцией потребления. Посткапитализм встраивает человека, включая самые интимные стороны его существа, в процесс производства не только благ, но и прибавочной стоимости, имеющей отношение не к человеку, а к капиталу. Естественные, биологические потребности больше не подвергаются ограничению: наоборот, они всячески поощряются. Наряду с ними стимулируется производство нематериальных потребностей: социальных, эмоциональных, волевых, эстетических, интеллектуальных. Благодаря расширению поля потребностей расширяется поле производства. Сегодня не столько труд выступает источником прибыли, сколько регулярно умножаемые потребности людей. Способность иметь желание и возможность удовлетворять его оказались выражением суверенности индивида. Тот, кто не имеет желания, причем непрерывно возрастающего, утрачивает определенность своего статуса.

Другими словами, желание, или удовлетворяемая потребность, имеет не только экономическое разрешение в производстве. Оно с необходимостью «ранжирует» членов общества, выступая маркером их отношения к власти. Как правило, уверенность в удовлетворении очередной или срочной потребности стимулирует гражданина совершать свой политический выбор. Поэтому в эпоху «постсовременности», в эпоху, когда стимулы для суверенной личности появляются «вдруг», «...власть может достичь действительного контроля над всей жизнью общества только тогда, когда она становится неотъемлемой, жизненной функцией, которую каждый индивид принимает и выполняет по собственному согласию» [Хардт, Негри 2004, 36], хотя вопрос о подлинности этого желания как выражения *собственного состояния* (достоинства) человека вызывает большие сомнения. В силу того, что посткапиталистическое производство стремится к тотализации всего пространства человеческого бытия, генерируемая им власть «...регулирует общественную жизнь изнутри, следуя ей, интерпретируя, поглощая и заново артикулируя ее» [Там же]. Пожалуй, можно даже говорить о продолжении политики аннексии собственности в той форме, которую имел виду Маркс, когда писал об отчуждении родовой сущности человека как отчуждения «его собственного тела», «природы вне его», «его духовной сущности» [Маркс 1974, 94]. Если в классическую эпоху капитал присваивает внешние выражения собственности (землю, орудия труда, труд), то в постклассическую эпоху его интерес распространяется на внутреннее, интимное, казалось бы, необъективируемое содержание человеческой личности. И, таким образом, суверенность личности предельно умалется, лишая позитивного содержания и смысла само понятие о суверенитете.

Весьма любопытным оказывается в этом контексте предпринятое М. Фуко исследование роли и сущности суверенитета в пространстве неолиберализма. Хотя Фуко в лекционном курсе 1978–1979 гг. обращается преимущественно к истории становления ФРГ, его выводы могут быть использованы как инструмент исследования капиталистического и посткапиталистического государства вообще. Конечно, вопрос о государстве и капитализме ставился не только Фуко — достаточно вспомнить Ф. Броделя или П. Розанваллона, — однако именно у Фуко центральным моментом проблематизации оказывается *суверенитет*.

Что было раньше: государство или капитализм как форма производства? — вопрос поистине неразрешимый. Классический марксизм с его схемой базиса и надстройки не только не отвечает на него, но и прямо объявляет его не имеющим решения. Между тем от решения этого вопроса зависит, считать ли капитализм исторической неизбежностью или случайностью. Заманчиво признать приоритет за государством, однако это влечет за собой колоссальные проблемы исторического порядка: считать государствами древние и средневековые политические образования — значит допускать большую

натяжку и впадать в анахронизм. Кроме того, тогда пришлось бы признать, что капитализм мог возникнуть в любом регионе с более или менее развитым товарооборотом — в Древнем Китае, в Генуэзской республике и т.д., а то, что он сложился как экономическая реальность лишь в Новое время в Западной Европе, есть историческая случайность. А раз так, история вообще лишена закономерностей, и говорить здесь, стало быть, не о чем. Если же признать приоритет за капитализмом, можно будет обнаружить рождение государственного суверенитета из капитализма как формы производственных отношений, а главное, из самой структуры «рыночных трансакций».

Обратимся вслед за Фуко к примеру Западной Германии: утратив легитимность в качестве национального государства, она должна была обрести ее «в другом месте», и благодаря усилиям теоретиков ордолиберализма, нашла ее в свободном рынке. Государство легитимировалось в качестве контролера свободного рынка, его суверенитет больше не зависел ни от права давности владения территорией, ни от национальной идеи, ни даже (во всяком случае, напрямую) от доктрины общественного договора. Теперь оно попросту гарант определенного рода отношений, что, впрочем, никоим образом не снимает вопроса о властном характере этих отношений. А значит, это требует пересмотра вопроса о суверенитете.

Фуко предложил оригинальную схему трансформации проблемы суверенитета при переходе от классического либерализма к неолиберализму. Он видит два пути этой трансформации: революционный, заключающийся в том, чтобы, опираясь на классическое представление о праве, определить естественные права индивида и условия их ограничения государственной властью, и радикальный, состоящий в том, чтобы исходить не из права, но из самой практики правления, выясняя ее фактические пределы. В обоих случаях, однако, речь идет об ограничении власти государства: в первом о том, чтобы, «...отталкиваясь от прав человека, прийти к проходящему через конституирование суверена разграничению правления» [Фуко 2010, 59], во втором о том, чтобы выявить «предел компетенции правительства» [Там же, 60], определяемый границами полезности его действий. Дискурс о суверенитете и дискурс о правах человека не противоречат друг другу, но скорее друг друга определяют: «Поскольку аксиоматика суверенитета столь настойчиво указывает на неотъемлемые права, здесь практически не остается места для искусства управлять и осуществления государственной власти, а суверен в качестве коллективного желания столь же настойчиво утверждается юридически, что сводит осуществление основополагающих прав к чистой идеальности» [Там же, 63].

Другими словами, вопрос о первичности «прав человека» или государственной власти вовсе не должен ставиться. Во всяком случае, этот вопрос о начале снимается на современной стадии развития либерализма. Экономисты-теоретики ордолиберализма вроде Л. Эрхарда заявили, что государство утрачивает легитимность, попирая права индивида. При этом само оно может сохранять право суверенитета, но теряет право представительства: национал-социалистическая Германия осуществляла свой суверенитет легитимно, однако ретроспективно оказалась лишена своих прав представительства, поскольку сделанное ею не может считаться сделанным во имя немецкого народа. Лишь государство, признающее экономическую свободу и ответственность индивидов, может обладать правами представительства. При этом меняется характер и сущность легитимации государственной власти: история немецкого государства была отброшена, но теперь экономика дает ему правовую легитимацию и обеспечивает, по выражению Фуко, перманентный политический консенсус всех участников «экономических трансакций».

Предложенная Фуко схема, конечно, не обязывает ни историков, ни социологов к немедленному пересмотру процесса становления европейского неолиберализма. Тем не менее предложенная французским философом точка зрения позволяет увидеть непосредственную связь политического суверенитета с формой правления (или, по выражению Фуко, «искусством управлять»), которая его определяет. Экономические отношения суть отношения властные, а суверенитет в таком случае оказывается не чем иным, как экономией власти. Или, как говорили теоретики классического либерализма, политической экономией.

Еще важнее то, что политическая экономия в пространстве неолиберализма оказывается биополитикой (здесь нам снова пригодится выражение Фуко). Биополитика есть распространение суверенитета государства на жизнь граждан в качестве биологических индивидов. Под этим несколько расплывчатым понятием может подразумеваться целая серия властных вмешательств в жизнь индивида — от государственной системы здравоохранения, патологизирующей индивидов, до карательной системы тоталитарных государств, принимающей решения о ликвидации индивидов, отбираемых по тем или иным биологическим признакам. Общеизвестен спор о том, является ли биополитика как крайнее проявление властного вмешательства в жизнь индивида продуктом либерализма, или же, напротив, его злейшим врагом. Фуко полагал, что сам либерализм есть «эффект» определенных властных отношений, порождающих в том числе и биополитику. Дж. Агамбен, напротив, склонен возлагать ответственность за биополитические эксцессы на современную мысль, породившую либерализм. Своя логика есть и в том, и в другом, хотя, конечно, стремление возложить ответственность за Аушвиц на Декарта и Канта выглядит нелепым. Тем не менее есть большая доля правоты в утверждении Агамбена, что «...только в биополитической перспективе можно будет решить, должны ли понятия, на оппозициях которых базируется современная политика... и которые, все более размываясь, попали сегодня в самую настоящую зону неразличимости, быть окончательно оставлены, — или же они смогут заново обрести значение, исходя из той самой перспективы, в которой они его и утратили» [Агамбен 2011, 11].

На наш взгляд, стоит поднять вопрос не об ответственности интеллектуалов прошлого за действия политиков настоящего и даже не о том, что за властный «диспозитив» сделал эти действия возможными, а о том, какая форма суверенитета соответствует биополитике. Властное воздействие на человеческие группы в качестве биологической массы требуют перевода самой человеческой жизни в регистр, который Агамбен называет «голой жизнью». Теперь человек из субъекта правовых отношений, из существа, обладающего «естественными» или приобретенными в цивилизованном обществе правами превращается попросту в биомассу, с которой суверен, кем бы он ни был, обращается, как с гончарной глиной: формует ее по своему усмотрению или выбрасывает как негодный материал, который следует заменить более подходящим. Конкретными формами этой биополитики могут быть: переселение больших человеческих групп из одного региона в другой, их полное или частичное уничтожение или манипуляции на уровне организма — от евгеники до геной инженерии. Таким образом, совершенно меняются как статус человека, так и отношения власти, существующие в обществе.

М. Фуко, предложивший структурный анализ трансформации гуманитарных наук, наметил также программу анализа трансформации властных отношений. При этом он категорически отказался говорить о причинах этих трансформаций, небезосновательно утверждая, что поиск таких причин неизбежно приведет нас к телеологизму в истории, что, в свою очередь, будет означать подрыв структурного анализа. Впрочем, в последний период своего творчества он все же отчасти вернулся к метафизическому объяснению этого исторического движения, предложив концепт «заботы о себе». Этот концепт отлично работает в исследованиях «эстетик существования», но едва ли пригоден для изучения политической истории. Во всяком случае, он ничего не дает для объяснения трансформаций существующих в обществе отношений и стоящих за ними сил.

Куда продуктивнее, на наш взгляд, подход Б. Латура, начинающего там, где Фуко остановился в своих исследованиях власти, чтобы вернуться к «эстетикам существования». Прежде всего, Латур представляет популярное сегодня течение, в рамках которого гуманитарные науки перестают рассматриваться как, собственно, «гуманитарные». Проще говоря, он предлагает рассматривать человека как *одного из* «актеров», действующих в мире, и не имеющего преимущества перед прочими. Так, например, история наполеоновских войн в этом свете предстает не соперничеством великих людей вроде Наполеона и Александра I, но противостоянием альянсов, в которых, по-

мимо населения целых государств, участвуют насекомые (платяная вошь), микроорганизмы (возбудитель тифа), климат (русские морозы) и т.п. Если у человека нет формального преимущества перед нечеловеческими факторами, то и самая биополитика приобретает совершенно иной смысл. Более того, приходится пересмотреть и понятие суверенитета. Теперь биополитика есть искусство альянсов, отрицающее идею человеческой исключительности. Что же до суверенитета, его легитимация достигается силовым превосходством, а отсылки к «естественному праву» или «общественному договору» могут носить лишь орнаментальный характер.

Пересмотр понятия суверенитета зависит от перемены в характере описания реальности, проще говоря, от новой парадигмы, отвергающей человеческую исключительность. Стоит помнить, что эта парадигма не обязательно окажется долгоживущей, поскольку всегда возможен возврат к исторически предшествовавшим ей формам мышления. В то же время само появление этой новой парадигмы связано с историческими процессами в сегодняшнем мире, прежде всего с утратой политических и идеологических ценностей, составлявших базис политического пространства. В отсутствие политических идеалов, когда политика определяется исключительно требованиями сегодняшнего дня, а не идеологическими программами, «политическое» становится пространством всеобщей эквивалентности, так хорошо описанной Ж. Бодрийяром. Здесь все обменивается на все, качественные различия исчезают, а значение имеют лишь количества, формирующие расстановки сил. В такой ситуации понятие суверенитета оказывается не юридически-политическим, не историко-правовым и даже не структурным, а скорее онтологическим. Ведь речь теперь идет об определении некой единичности, существующей относительно независимо от других единичностей, и о контингентных множествах, действующих в качестве единичностей, подобно суммам в математике Н. Бурбаки. Если же вспомнить А. Бадью, который предлагал передать онтологические проблемы в ведение математиков, то можно предположить, что и суверенитет однажды станет проблемой не столько философского, сколько математического порядка.

Источники – Primary Sources in Russian Translations

Локк 1988 – *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988 [Locke J. Two Treatises of Government. Russian Translation].

Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1960 [Marx K. Kapital. Russian Translation].

Маркс 1974 – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974 [Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. Russian Translation].

Фуко 2010 – *Фуко М.* Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010 [Foucault M. Naissance de la biopolitique. Russian Translation].

Хардт, Негри 2004 – *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Практика, 2004. [Hardt M., Negri A. Empire. Russian Translation].

Шмитт 2008 – *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *Jus publicum europaeum* [Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des *Jus publicum europaeum*. Russian Translation].

Энгельс 1955 – *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1955 [Engels F. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Russian Translation].

Ссылки – References in Russian

Агамбен 2011 – *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
Розанваллон 2007 – *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: НЛЮ, 2007.

The State Sovereignty in the Realm of the Philosophical Reflexion: the Civilization Strategies and the Biopolitics

Aleksandr V. Dyakov, Aleksei M. Sokolov

The article is devoted to the problem of the formation of political sovereignty in the history of modern civilization. The author's hypothesis is that the essential moment in the formation of bourgeois society was the coherence of two processes of a different plan. The first is the assertion of personal sovereignty; the second is the emergence of state sovereignty. These two elements determine the essence of Western civilization strategy, which is realized in the spirit formats: geopolitics and biopolitics. Each of these formats is updated to varying degrees in the era of classical and postclassical capitalism. The period of formation of the capitalist system is characterized by a geopolitical trend. In the period of global domination of capitalism, the geopolitical tendency is transformed into a biopolitical trend. The authors defend the view that the main mechanism for the emergence of both geopolitical and biopolitical tendencies is the reactivation of the institution of property. So in the period of the formation of capitalist relations, various types of corporate property give way to private property; In addition, the agricultural use of land – the main object of ownership – is replaced by an industrial one. Post-capitalist "revaluation" of property has revealed its new content associated with an intimate, predominantly inner definition of a person: emotions, sensations, thoughts; despite the fact that the general attitude towards alienation of property has been preserved. On this basis, the authors conclude that the value status of personal sovereignty is belittled, which becomes an immediate threat to political sovereignty as a basic element of the modern civilizational system.

KEY WORDS: sovereignty, biopolitics, power, state, State sovereignty, capitalism.

DYAKOV Aleksandr V. – DSc in Philosophy, Associate Professor, Departments of Ontology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University (Professor).

a_diakoff@mail.ru

SOKOLOV Aleksei M. – DSc in Philosophy, Associate Professor, Departments of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University (Professor).

docentsokolov@yandex.ru

Received at September 27, 2017.

Citation: Dyakov, Aleksandr V., Sokolov, Aleksei M. (2018) "The State Sovereignty in the Realm of the Philosophical Reflexion: the Civilization Strategies and the Biopolitics", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 25–34.

DOI: 10.31857/S004287440001890-4

References

Agamben, Giorgio (1995) *Homo Sacer. Il potere sovrano a la nuda vita*, Giulio Einaudi editore, Torino (Russian translation 2011).

Blackman, John (2016) "State Judicial Sovereignty", *University of Illinois Law Review*, Vol. 5, pp. 2033–2128.

This research was supported by a Grants from the Russian Foundation for Humanities (project 15-33-01013 «Philosophical historiography in French philosophy of XX-th century second half» (A.V. Dyakov), project 15-03-00553 «Biopolitics and alternative civilizational development» (A.M. Sokolov)).

- Burgess, Peter J. (2017) “The Real at the Origin of Sovereignty”, *Political Psychology*, Vol. 38 (4), pp. 653–666.
- Dutraive, Véronique, Théret, Bruno (2017) “Two Models of the Relationship Between Money and Sovereignty: An Interpretation Based on John R. Commons’s Institutionalism”, *Journal of Economic Issues*, Vol. 51 (1), pp. 27–44.
- Eastman, John C. (2017) “The Power to Control Immigration is a Core Aspect of Sovereignty”, *Harvard Journal of Law & Public Policy*, Vol. 40 (1), pp. 9–15.
- Eghbal, Morad, O’Rourke, Kevin C. (2016) “Post-Brexit: A Continuum for State Sovereignty U.K.’s Challenge to Balance Legitimacy, Capital Development and Human Needs”, *ILSA Journal of International & Comparative Law*, Vol. 23 (1), pp. 1–25.
- Hamper, David (2017) “The State Sovereignty Dilemma”, *Legaldate*, Vol. 29 (3), pp. 7–11.
- Kampmark, Binoy (2017). “Currency, Sovereignty, and Questions of Control: The Eurozone in Crisis”, *Brown Journal of World Affairs*, Vol. 23 (2), pp. 43–53.
- Roman-Alcalá, Antonio (2017) “Looking to Food Sovereignty movements for Postgrowth Theory”, *Ephemera: Theory & Politics in Organisation*, Vol. 17 (1), pp. 119–145.
- Rosanvallon, Pierre (1979) *Le capitalisme utopique. Histoire de l’idée de marché*, Editions du Seuil, Paris (Russian translation 2007).